

*Общение лис — сложная система
голосовых и мимических сигналов, запахов и поз.
Набранные курсивом «диалоги» в главах от Пакса — попытка
перевести этот выразительный лисий язык в слова.*

*То, что это не происходит здесь,
не значит, что это не происходит.*

Лис догадался, что автомобиль замедляет ход, раньше мальчика, он всегда чуял всё раньше. Подушечками лап, вибриссами, позвонками. А когда дрожание и гул изменились, лис понял, что дорога стала неровная. Он вытянулся на коленях у мальчика, ловя струйки запахов из окна. Струйки говорили, что снаружи лес. Резкие ароматы сосновой древесины, коры, шишек и хвои будто иглами пронзали воздух, между ними вились более мягкие нити клевера, дикого чеснока, папоротников и ещё сто других запахов, которые были лису незнакомы, но все они были зелёные и настойчивые.

Его мальчик тоже что-то чуял. Он притянул лиса обратно на колени и крепче прижал к себе своей бейсбольной перчаткой.

Мальчик тревожился, вот что удивляло лиса. Они и прежде ездили в автомобиле, несколько раз, но тогда мальчик был спокоен и даже весел. Лис сунул нос в карман перчатки*, хотя и ненавидел запах кожи. Когда лис делал так, его мальчик всегда смеялся. Сейчас он обхватит перчаткой голову лиса, а лис станет вырываться, и игра отвлечёт мальчика.

Но мальчик поднял лиса на руки и прижался лицом к белой шерсти воротника.

Только тогда лис понял, что его мальчик плачет. Он извернулся, чтобы увидеть его лицо и убедиться. Да, мальчик плакал, но без единого звука — такого лис тоже не помнил. Он вообще уже очень давно не видел, чтобы из глаз его мальчика лились слёзы, но раньше, когда такое случалось, мальчик вначале всегда громко вскрикивал, словно требовал внимания: сейчас начнётся, сейчас потечёт эта солёная вода.

* Карман бейсбольной перчатки-ловушки предназначен для захвата бейсбольного мяча. (Здесь и далее — примеч. пер.)

Лис лизнул слезу и удивился ещё больше. Не было запаха крови. Он вывернулся из рук, чтобы рассмотреть своего человека внимательнее: неужели он, лис, не заметил рану, неужели нюх подвёл? Нет, лисий нюх никогда не подводит: крови не было. Ни крови, ни кровоподтёка под кожей. И костный мозг не сочился, как однажды, из трещины в кости.

Машину качнуло вправо, и чемодан на сиденье рядом с мальчиком тоже съехал вправо. Лис по запаху знал, что внутри — одежда мальчика и вещи из его комнаты, до которых мальчик дотрагивался чаще всего: фотография с комода и то, что всегда было спрятано в нижнем ящике, в тайнике. Лис тронул лапой угол чемодана, надеясь, что крышка приподнимется и мальчик своим слабым носом учует любимые запахи и успокоится. Но машина как раз заскрежетала и поползла ещё медленнее. Мальчик качнулся вперёд, сжал голову руками. Сердце лиса забилось чаще, остевые волосы на хвосте приподнялись, встали торчком. От новой одежды отца мальчика пахло палёным металлом, обожгло горло. Лис подскочил к окну, заскреб стекло. Дома, когда он так делал, его мальчик иногда открывал окно, и лису сразу становилось лучше.

Но вместо этого мальчик снова притянул лиса к себе на колени и стал что-то говорить отцу просящим голосом. Лис научился понимать значение многих человеческих слов, и только что мальчик произнёс слово, которое лис хорошо знал: «НЕЛЬЗЯ». Часто вслед за этим словом звучало одно из двух знакомых лису имён: его собственное или имя мальчика. Лис внимательно слушал, но сегодня было только «нельзя», без имён; оно звучало просительно, и мальчик повторял его снова и снова.

Автомобиль ещё раз трянуло, он съехал на обочину и остановился, за окном взметнулось облачко пыли. Отец перегнулся через сиденье, проговорил несколько слов ласковым голосом, который совсем не вязался с его крепким запахом лжи, и поднял лиса, взяв его за шкирку.

Его мальчик не сопротивлялся, поэтому лис тоже не сопротивлялся, висел смиренно и безвольно. Он мог бы укусить державшую руку, просто от страха, но решил сегодня не сердить своих людей. Отец толкнул дверцу машины и, широко шагая, направился по гравию, потом через бурьян к кромке леса. Мальчик шёл следом.

Как только отец разжал руку, лис отскочил в сторону. Внимательно глядя на своих людей,

лис вдруг заметил: они уже почти одного роста. В последнее время мальчик стал очень высоким.

Отец указывал в глубь леса. Мальчик долго смотрел на отца, из его глаз снова потекло. Но он вытер лицо рукавом футболки и кивнул. Сунул руку в карман джинсов и достал старого пластмассового солдатика — любимую игрушку лиса.

Лис приготовился. Это была знакомая игра: мальчик бросает солдатика как можно дальше, лис отыскивает, и потом мальчик каждый раз будто не понимает, как у лиса это получилось. А лис, когда отыскивает игрушку, держит её в зубах и ждёт, когда мальчик подойдёт, заберёт солдатика и бросит снова.

Мальчик размахнулся и швырнул игрушку в лес. Значит, всё правильно — значит, они приехали в лес просто поиграть! Ни о чём больше не тревожась, лис сорвался с места. Он летел между стволами деревьев, не оглядываясь на людей. Если бы он оглянулся, если бы видел, как мальчик сбросил отцовскую руку, как зажал ладонями лицо, — он бы вернулся. Он дал бы своему мальчику всё что надо: охранял бы его, отвлёт, развлёт, был бы рядом. А он поскокал за игрушкой. В лесу её не так просто найти: кругом столько других запахов, и они сильнее.

Но всё равно, ведь на игрушке — запах мальчика. И лис отыщет этот запах где угодно.

Солдат лежал на узловатом корне серого ореха лицом вниз, как будто сам бросился на землю от отчаяния. Приклад его винтовки был накрепко прижат к щеке, ствол зарылся в прошлогоднюю листву. Лис прихватил игрушку зубами, стряхнул лесную труху, сел и вытянулся, чтобы мальчик поскорее его нашёл.

Лес стоял неподвижно, шевелились только солнечные лучи, вспыхивали в листвяном пологе наверху, как в зелёном стекле. Лис ещё вытянулся. Мальчика не было видно. По хребту иголками пробежало беспокойство. Лис выпустил солдатика и тьякнул. Ничего. Он снова тьякнул — и снова ничего, никакого ответа. Если это какая-то новая игра, то лису она не нравилась.

Лис снова подобрал игрушку и по своим следам побежал назад. У самой кромки леса на встречу ему с пронзительным криком пронеслась сойка. Лис замер, разрываясь надвое.

У них с мальчиком игра, мальчик ждёт. Но — птицы! Сидя в своей загородке, лис мог часами следить за птицами; он трепетал, когда они легко рассекали небо — как стрелы молний летними вечерами. Его завораживала свобода полёта.

Сойка снова крикнула, уже из леса, и несколько таких же выкриков раздалось в ответ. Ещё секунду лис вглядывался — не мелькнёт ли ярко-синяя молния в просвете между стволами.

Но тут за спиной у лиса послышался другой звук: захлопнулась дверца. И потом вторая. Лис помчался, не обращая внимания на колючки, царапавшие щёки. Мотор зарычал, оживая; лис подскочил к краю дороги.

Его мальчик быстро опустил стекло и протянул обе руки. Когда машина отъезжала, брызгая гравием из-под колёс, отец выкрикнул имя мальчика: «Питер!» — а мальчик выкрикнул второе знакомое лису имя:

— Пакс!

— **Н**адо же. Их, оказывается, была уйма. — Питер понимал, что это звучит глупо, но всё равно не удержался и повторил: — Уйма.

Он возил рукой по дну обшарпанной жестяной коробки из-под печенья. В коробке были пластмассовые солдатики — все одинаковые, только в разных позах: кто лёжа, кто стоя, кто на одном колене. И все крепко прижимались оливково-зелёными щеками к прикладам своих винтовок. — А я думал, только один.

— Куда там один. Шагнуть нельзя было, чтоб не наступить. Их у него были целые сотни. Целая армия! — Дед расхохотался, довольный своей

случайной шуткой, но Питер не смеялся. Отвернувшись, он сосредоточенно смотрел в окно, будто увидел что-то особенное на заднем дворе. Потом поднял руку и провёл костяшками пальцев по своей щеке снизу вверх — точь-в-точь как отец, когда у него отрастала щетина, — и незаметно вытер стоявшие в глазах слёзы. Разнюнился, как младенец. Да и с чего, спрашивается? Ему двенадцать, и он уже несколько лет не плакал, даже когда однажды сломал большой палец — когда ловил голый рукой, без перчатки, поп-флай* Джоша Хуригана. Боль была ещё какая, но он только бормотал всякие ругательные слова, когда сидел вместе с тренером в очереди на рентген. Потому что он мужчина. А сегодня — уже второй раз.

Питер достал из коробки пластмассового солдатика и тут же вспомнил, как однажды он нашёл точно такого же у отца в столе.

— Это откуда? — спросил тогда Питер.

Отец протянул руку, взял солдатика, и его лицо смягчилось.

— Ха. Сколько лет. Когда-то была моя любимая игрушка.

* Поп-флай — мяч, выбитый высоко в воздух на небольшое расстояние в пределах бейсбольного поля.

— А можно я его заберу?

Отец перебросил солдатика Питеру.

— Забирай.

Питер поставил солдатика на подоконник возле своей кровати, развернув его пластмассовой винтовкой к окну — чтобы солдат как буд-

то держал оборону. Но не прошло и часа, как его утащил Пакс, и это было ужасно смешно: получилось, что Питер решил взять солдатика себе, а Пакс — себе.

Питер бросил игрушку обратно в коробку и уже собирался закрыть крышку, когда заметил, что из-под груды солдатиков торчит край пожелтелой фотографии. Питер потянул её за уголок.

На фотографии его отец, но лет десяти-одиннадцати от роду, обнимал одной рукой собаку. Кажется, это была помесь колли с сотней каких-то неизвестных пород. И, кажется, хорошая собака. Во всяком случае, такая, о которой потом захотелось бы рассказать сыну.

— Я и не знал, что у папы была собака. — Питер протянул фотокарточку деду.

— А-а, Герцог. Балбес был, каких свет не видывал, только и знал путаться под ногами. — Дед ещё поразглядывал фотографию, потом Питера, словно вот сейчас впервые что-то заметил. — А волосы-то у тебя чёрные. Как у отца. И у меня раньше были такие же, точь-в-точь. — Он провёл рукой по своей седенькой бахrome, обрамляющей лысину. — И глянь-ка, какой он был худущий в те времена — ровно как ты. И ровно как я. А уши! Ты посмотри на него, прямо горшок с ручками. И все мужчины у нас в роду такие, потому как яблоко от яблони далеко не упадёт, понял?

— Понял. — Питер заставил себя улыбнуться, но улыбка продержалась недолго. «Путаться под ногами» — это он недавно слышал от отца: «Нечего твоему лису путаться там под ногами! Дед не может скакать вокруг него, как юнец, годы уже не те. И сам старайся не путаться. Он же не привык, когда дети в доме».

— У нас коли война — значит, надо идти воевать. Я сразу пошёл. Как мой отец. А теперь, видишь, и твой. Долг зовёт — мы его исполняем, вот так у нас в роду заведено. Так что яблочки наши падают куда надо. — Он отдал Питеру фотокарточку. — Твой отец и пёс этот — они были неразлучники. А я и забыл совсем.

Питер вернул фотографию на место, закрыл крышку и задвинул коробку туда, где она и стояла, — под кровать. И снова стал смотреть в окно. Он не мог сейчас говорить о питомцах. И не хотел слушать про долг. И уж точно не хотел слушать про яблоки и про яблоню, под которой эти яблоки застревали навечно.

— Во сколько тут начинается школа? — спросил он, не оборачиваясь.

— В восемь. А тебе велено явиться пораньше, познакомиться с учительницей. Её звать госпожа Мирес, не то Рамирес, как-то так. Я тут тебе кое-что приготовил. — Дед кивнул на стол, где лежали тетрадь на пружине, побитый термос и несколько полусточенных карандашей, перетянутых толстой резинкой.

Питер подошёл к столу, сложил всё в рюкзак.

— Спасибо. Тут автобус или пешком?

— Ещё чего. Пешком. Отец твой учился в этой же школе, и ничего, бегал пешочком. По Ясневой до конца, направо по Школьной, а там увидишь — большое кирпичное здание. Улица Школьная, запомнил? Выйдешь в семь тридцать, и останется ещё куча времени в запасе.

Питер кивнул. Ему хотелось побыть одному.

— Всё, я собрался. Наверное, буду уже ложиться.

— Ну давай, — с нескрываемым облегчением сказал дед. Выходя, он твёрдо закрыл за собой дверь, будто говорил: «Так и быть, живи в этой комнате, но остальной дом — мой».

Питер постоял перед дверью, послушал удаляющиеся шаги. Потом на кухне полилась вода и зазвякали тарелки. Питер представил, как его дед стоит перед раковиной и моет посуду. Тесная кухонька, где они в молчании ужинали тушёными овощами, так провоняла жареным луком, что эта вонь уж точно переживёт деда. Пройдёт лет сто, думал Питер, в доме десять раз сменятся хозяева, все они будут оттирать и отчищать эту кухню, но запах горечи останется всё равно.

Дед прошаркал по коридору к себе в спальню. Замелькал слабый свет от телевизора, но громкость была на минимуме, и тревожный голос телекомментатора почти не просачивался через дверь. Питер скинул наконец кроссовки и лёг на узкую кровать. Полгода — если не больше — жить в этом доме с дедом, который, кажется, вот-вот взорвётся. «Отчего он всё время

выходит из себя?» — спросил как-то Питер отца — давно, несколько лет назад. «От всего. От жизни, — ответил отец. — А уж с тех пор как бабушка твоя умерла, стало совсем плохо».

Когда у Питера умерла мама, он следил за отцом с тревогой. Сначала было просто молчание, которое пугало. Но постепенно отцовское лицо будто окостенело, на нём застыло всегда одинаковое выражение угрозы, а руки отец держал сжатыми в кулаки и, кажется, ждал только повода, чтобы пустить их в ход. И Питер научился вести себя так, чтобы не стать таким поводом. Не путался под ногами.

Запах лука и застарелого жира заполнял всё, он сочился из стен, даже из постели. Питер открыл окно около кровати.

В комнату дунул холодный апрельский ветер. Пакс ни разу в жизни не ночевал один, разве только в своей загородке. Сейчас Питер пытался стереть из памяти ту последнюю минуту, когда он видел своего лиса. Может, он и недолго бежал потом за машиной. Но когда он выскочил на обочину и замер, не понимая, — вот это было хуже всего.

Опять зашевелилась тревога. Весь день, пока они ехали, она таилась, свернувшись кольцами

где-то рядом. Питеру вообще всегда казалось, что его тревога похожа на змею — только и ждёт удобного момента, чтобы подползти, скользнуть по спине вверх, и он опять услышит знакомое насмешливое шипение. *Ты не там, где должен быть. Случится беда, потому что ты не там, где должен быть.*

Он перекатился на край и вытащил из-под кровати жестяную коробку. Достал фотокарточку. Отец так спокойно обнимает рукой чёрно-белого пса — будто вовсе не думает, что может его потерять.

Неразлучники. Питер заметил, с какой гордостью дед это произнёс. Конечно. Деду есть чем гордиться: он воспитал сына, который понимает, что такое верность. И что такое ответственность. Ребёнок и его питомец, они и должны быть неразлучны. Но само это слово, «неразлучники» — будто попугаи какие-то, — звучало как упрёк. Получается, они с Паксом... *разлучники?*

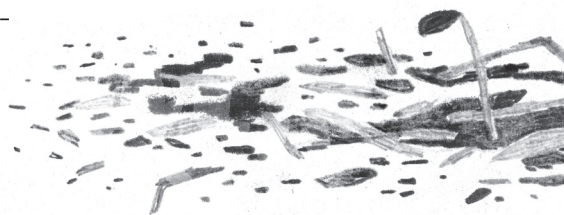
А вот и нет, ничего подобного. Иногда у Питера вообще возникало странное ощущение, будто они с Паксом — одно целое. В первый раз так было, когда он впервые вывел своего лисёнка на прогулку. Пакс увидел птицу и напрягся, натянул поводок, задрожал как наэлектризованный.

И Питер вдруг тоже увидел её глазами Пакса: птица — чудесный полёт молнии, невозможная свобода и скорость. Питер тогда вздрогнул всем телом, всей кожей, плечи обожгло будто тоской по крыльям. И то же самое сегодня днём: внезапно ему померещилось, что машина уехала, а он, Питер, остался на обочине один. Сердце заколотилось часто и тревожно.

В глазах опять защипало, и Питер сердито растёр слёзы по щекам. «Ты совершаешь правильный поступок, — сказал отец. — Идёт война. И, значит, все должны чем-то жертвовать. Я иду служить, это мой долг. А ты едешь к деду — это твой».

Конечно, Питер и так понимал, что это может случиться. Двое из его друзей собрались и уехали вместе с родителями, ещё когда об эвакуации говорили только шёпотом. Но он не понимал остального. Просто не думал о худшем. «А листья твой... ну, ему всё равно уже пора обратно в лес».

И в этот момент завыл койот — так близко, что Питер подскочил на постели. И второй отозвался. И третий. Питер сел и захлопнул окно, но слишком поздно. Теперь

в голове у него крутились вой, лай и всё то, что может за ними последовать.

У Питера было всего два плохих воспоминания, связанных с мамой. Хороших было гораздо больше, и он любил перебирать их внутри себя, ему от них становилось спокойнее. Правда, он немного волновался, не сотрутся ли они от слишком частого использования. Плохие воспоминания он запрятал глубоко. И делал всё возможное для того, чтобы они оставались запрятыми. Но сейчас, пока койоты лаяли у него в голове, одно из них само выскочило на поверхность.

Когда ему было лет пять, он подошёл к маме, которая в растерянности разглядывала свою клумбу с кроваво-красными тюльпанами. Половина тюльпанов стояли по стойке смирно, а половина, со смятыми лепестками, были разбросаны по земле.

— Видишь, что кролик наделал. Стебли ему понравились, паршивцу.

Вечером Питер помогал отцу ставить ловушку на кролика.

— Мы ведь не сделаем ему больно, да?

— Не сделаем. Поймаем и отвезём в соседний город. Пускай грызёт там чьи-нибудь чужие тюльпаны.

Питер сам положил в ловушку морковку и потом долго упрашивал, чтобы ему разрешили сегодня лечь в саду — последить за ловушкой. Отец не разрешил, зато помог завести будильник: Питер хотел утром встать раньше всех. Как только будильник задребезжал, Питер побежал в мамину спальню, чтобы взять маму за руку и отвести в сад — и они бы увидели сюрприз вместе.

Ловушка лежала на боку, на дне свежесрытой воронки глубиной не меньше пяти футов. Внутри ловушки лежал маленький мёртвый крольчонок. На его тельце не было ни одной отметины, но клетка была помята и исцарапана, а земля вокруг разрыта когтями до скалы.

— Койоты, — сказал отец, который тоже вышел посмотреть. — Видать, пытались до него

добраться, а он со страху и того. А мы даже не проснулись.

Мама открыла ловушку, достала безжизненный комочек. Прижала к лицу.

— Тюльпаны. Всего-навсего несколько тюльпанов.

Питер вытащил морковку, чуть-чуть обгрызенную с одного конца, и зашвырнул так далеко, как только мог. Потом мама уложила мёртвого крольчонка Питеру на ладони и пошла за лопатой. Питер провёл кончиком пальца вдоль ушей, которые разворачивались над мордочкой, как папоротники, потрогал чудесные маленькие лапки, коснулся шеи в том месте, где пух слипся от маминых слёз.

Вернувшись, мама погладила Питера по щеке. Щека горела от стыда.

— Ну что ты, малыш. Ты же не знал.

Не знал. Но ещё долго, закрывая глаза, Питер видел койотов. Они рыли когтями землю, класцали зубами. И он видел себя — там, где он должен был быть: в саду. Он должен был дежурить в саду в ту ночь — охранять, ждать. Снова и снова Питер видел, как он делает то, что должен: вылезает из спального мешка, находит камень,

швыряет камень. И как койоты убегают обратно в темноту, и как он открывает ловушку и выпускает крольчонка.

После этого воспоминания тревога Питера — змея — ударила так, что вышибла из него весь воздух.

Он был не там, где должен был быть, в ночь, когда койоты убили крольчонка, и сейчас он тоже не там, где должен быть. Он попытался вздохнуть, наполнить лёгкие, сел. Разорвал фотокарточку пополам и ещё раз пополам, закинул обрывки под кровать.

Бросить Пакса — *неправильный* поступок.

Питер вскочил на ноги. Сколько времени уже потеряно!

Он метнулся к чемодану, похватал какие-то вещи, отыскал камуфляжную футболку с длинным рукавом и флисовую куртку, запасные носки, смену белья. Затолкал в рюкзак — всё кроме куртки, её обвязал вокруг пояса. Складной ножик — в карман джинсов. Бумажник. Он немного поколебался: походные ботинки или кроссовки? Решил, пусть будут ботинки, но обуваться пока не стал. Оглядел комнату — не найдётся ли фонарик или какое-нибудь туристское сна-

ряжение. Отец жил в этой комнате, когда был мальчиком, но, похоже, дед повикидывал все вещи, осталась только стопка книжек на полке. И ещё жестянка с солдатиками — но это явный недосмотр, дед даже удивился, когда Питер вытащил её из-под кровати. Питер провёл пальцем по корешкам книг.

Атлас. Питер открыл его, изумляясь своей удаче, и пролистал до той страницы, где можно было проследить их с отцом маршрут. «Здесь недалеко, миль триста. — Пару раз за поездку отец нарушал молчание, пытался завязать разговор. — В первый же выходной я к тебе приеду». Не приедет, подумал Питер. На войне не бывает выходных.

И вообще, Питер тосковал сейчас не об отце.

Тут он увидел в атласе кое-что, чего не заметил в дороге: шоссе, по которому они ехали, огибало длинный горный хребет. Если не делать крюк, а пойти напрямик, можно сэкономить кучу времени, плюс меньше шансов, что поймают. Он уже собрался выдрать страницу, но вовремя спохватился: не стоит оставлять деду такую очевидную подсказку. Поэтому он просто долго смотрел на карту, потом вернул атлас на полку.

Триста миль. Но если срезать по прямой, то миль сто можно сразу откинуть, остаётся около двухсот. Если он будет проходить хотя бы по тридцать миль в день, дойдёт за неделю, даже раньше.

Они оставили Пакса в начале подъездной дороги, которая вела к развалинам старой верёвочной фабрики. Питер сам настоял на том, чтобы они свернули на эту дорогу. Пакс ведь не знает, что машины — это опасно, а этой дорогой уже давно никто не пользуется, и вокруг только леса и поля. Он вернётся, и Пакс будет его там ждать. Через семь дней. Питер не позволил себе думать о том, что может случиться за эти семь дней с ручным лисом. Нет, Пакс будет ждать его на обочине, там же, где они его оставили. Он, конечно, будет голоден и, может быть, напуган, но с ним всё будет в порядке. Питер заберёт его домой. Они будут жить дома. И тогда уже никто не заставит его уехать — пусть только попробуют. Вот *это* будет правильный поступок.

Питер и Пакс. Неразлучники. Нет, не так. Неразлучимы.

Он ещё раз оглядел комнату. Хотелось поскорее выскочить из дома и бежать, но Питер

удерживал себя: сейчас важно ничего не упустить. Постель. Он откинул одеяло, смял простыню и побил подушку кулаком, чтобы казалось, что на ней спали. Достал из чемодана мамину фотокарточку, которая всегда стояла у него на комодe, — с её последнего дня рождения: мама держит воздушного змея, которого сделал для неё Питер, и улыбается так, будто это самый лучший подарок в её жизни. Питер спрятал фотографию поглубже в рюкзак.

Потом он достал мамины вещи, которые дома лежали у него в нижнем ящике комода. Садовые перчатки, запачканные землёй от последних пересаженных мамой растений; коробка её любимого чая, из которого давно выветрилась вся мята; толстые красно-белые полосатые гольфы, в которых мама ходила зимой. Питер ещё раз потрогал все её вещи, ему хотелось забрать их все домой, где они и должны быть. Но потом он взял только одну, самую маленькую вещицу — золотой браслет, который мама всегда носила не снимая, с эмалевым амулетом-фениксом, — и тоже положил в рюкзак, к фотографии.

И последний взгляд на комнату. На тумбочке Питер увидел свою перчатку-ловушку и бейс-

больный мяч и тоже сунул в рюкзак. Перчатка и мяч не тяжёлые, а дома они ему понадобятся. И вообще, он чувствует себя лучше, когда они у него есть.

Питер тихо открыл дверь и прокрался на кухню. Он поставил рюкзак на дубовый стол, включил тусклую подсветку над плитой и стал складывать запасы. Пакетик изюма, пачка печенья, полупустая банка арахисового масла — ради арахисового масла Пакс выскочит из любого укрытия, примчится сломя голову. Несколько палочек волокнистого сыра из холодильника, два апельсина. Он налил в термос воды, отыскал в ящике коробок спичек, завернул в фольгу. Под раковиной его ждали две удачные находки: ролик изоленды и прочные мусорные мешки. Лучше бы брезент, но в крайнем случае и мешки сгодятся — и он застегнул молнию на рюкзаке.

Наконец он выдернул листок из блокнота под телефоном и написал: *Дорогой дедушка*. Питер смотрел на эти слова с минуту, они выглядели как иностранные. Смял листок и начал заново. *Решил выйти пораньше. Не хочу опаздывать в первый день в новой школе. До вечера*. Он опять

долго разглядывал слова на бумаге, пытался понять, заметно, что их писал преступник, или не очень. Потом добавил ещё: *Спасибо за всё. Питер.* Отнёс записку на стол, поставил сверху солонку и тихо вышел.

На кирпичной дорожке перед домом он надел куртку, зашнуровал ботинки и оглянулся. Дом у него за спиной стал будто меньше, чем днём, когда они только приехали, — будто уже отодвинулся в прошлое. По ту сторону улицы вдоль горизонта бежали облака, из них внезапно вынырнул полумесяц, осветил дорогу.